

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-102-118

УДК 94(410)

А.К. ШабунинаИнститут всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Голод как маркер бедности в социокультурном пространстве викторианской Англии

В статье анализируется рецепция голода и ее отражение в социокультурном пространстве Англии XIX в. Актуальность темы объясняется интересом современного научного сообщества к анализу форм противодействия бедности в исторической ретроспективе, расширению проблемных полей в рамках современной парадигмы трансдисциплинарности. Исследование ставит своей целью выявить отношение викторианцев к голоду как к последствию бедности, порицаемой в социуме. Объектом исследования выступают культурные и аксиологические основания рецепции и этического оценивания феномена голода в викторианском обществе. Исследование выполнено в рамках актуального научного направления новой социальной истории, базируется на принципе историзма и интердисциплинарности, что позволило рассматривать голод не только как социально-биологическое явление, но и анализировать его в поле социокультурных практик викторианцев. Источниковой базой исследования выступил комплекс источников из коллекции Национального архива Великобритании и викторианская пресса. В ходе исследования было выявлено, что в викторианском обществе были распространены страхи, связанные с общественным порицанием бедных, которые оказывали влияние на повседневные практики потребления и эффективность помощи пауперам в рамках всей страны. Автор приходит к выводу, что голод как проявление нищеты и социальное явление оценивался современниками через традиционно сложившиеся ценности, в иерархии которых наиболее доминирующей являлась аксиологическая категория «труд» и связанные с ней социально одобряемые этические нормы и поведенческие практики.

© Шабунина А.К., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: викторианская Англия, социокультурные практики, викторианская мораль, голод, бедность, пауперы, аксиологический подход, социальный компромисс

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Шабунина А.К. Голод как маркер бедности в социокультурном пространстве викторианской Англии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 102–118. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-102-118

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-102-118

A.K. Shabunina

Institute of World History Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Hunger as a marker of poverty in the socio-cultural field of Victorian England

The article analyzes the reception of famine and its reflection in the sociocultural space of 19th century England. The relevance of the topic stems from the contemporary scholarly community's interest in analyzing forms of poverty resistance in historical retrospect and expanding the scope of problematic fields within the modern transdisciplinarity paradigm. The study, presented in the article, aims to identify Victorians' attitudes toward famine as a consequence of socially stigmatized poverty. The object of the research is the cultural and axiological foundations of the reception and ethical evaluation of the phenomenon of famine in Victorian society. The study, conducted within the framework of the current scholarly field of modern social history, is based on the principles of historicism and interdisciplinarity, which allows the article to consider famine not only as a socio-biological phenomenon but also to analyze it within the framework of Victorian sociocultural practices. The research source base is a set of sources from the collection of the National Archives of Great Britain and Victorian periodicals. The study revealed that fears associated with the social stigma of poverty were widespread in Victorian society, influencing everyday

consumption practices and the effectiveness of pauper aid nationwide. The article concludes that famine, as a manifestation of poverty and a social phenomenon, was assessed by contemporaries through traditionally established values, the most dominant in the hierarchy of which was the axiological category of “work” and the socially approved ethical norms and behavioral practices associated with it.

Key words: Victorian England, sociocultural practices, Victorian morality, hunger, poverty, paupers, axiological approach, social compromise

CITATION: Shabunina A.K. Hunger as a marker of poverty in the socio-cultural field of Victorian England. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 102–118. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-102-118

Голод в социокультурном пространстве викторианской Англии выступал как ординарное явление событийности. Вопросы, связанные с ограниченностью потребления и недоедания, отразились в исторической памяти англичан и стали постоянным рефреном межклассового диалога на фоне демографического всплеска начала XIX в., ограниченности и зависимости сельскохозяйственного рынка Британии от зарубежных поставок. На восприятие потребления бедняков оказывали влияние и страхи о голоде, вызванные отсутствием в ранневикторианском обществе мер социальной поддержки, которые были бы соразмерны переломным экономическим изменениям периода промышленной революции.

Голод и прецеденты голодной смерти бедняков становились маркером, который, с одной стороны, фиксировал в оценках низовой викторианской культуры уровень благополучия страны, с другой стороны, позволял судить об эффективности проводимой внутренней политики парламента. В свою очередь, периодически повторяющиеся эпизоды преодоления голода в долгой исторической памяти способствовали проникновению его как мировоззренческой оценочной категории в культурное поле, оказались вписанными в систему ценностно-значимых концептов.

В первой трети XIX в. вопросы продовольственной безопасности Англии стояли как никогда остро. Война с наполеоновской Францией и связанная с ней континентальная блокада подчеркнули проблему ограниченности рынка зерна. В этих условиях среди правящей элиты происходит пересмотр роли голода и связанных с ним бедствий в понимании социальных и демографических процессов, происходящих в период бурной урбанизации, вызванной промышленной революцией.

Был сформирован новый дискурс о голоде, где голодающие вызывали у современников не сострадание, а осуждение. Он сформировался благодаря соединению в одном интеллектуальном пространстве, во-первых, набравших популярность идей Т. Мальтуса, предупреждавшего о необходимости ограничения численности населения в стране, чья скорость рождаемости, по мнению современника-экономиста, превзошла способность увеличивать запасы продовольствия [3, р. 5–6]; во-вторых, идей протестантизма и специфичной викторианской морали, стремящейся не допустить распространение пороков социального дна.

Голод как следствие бедности оценивался через идею трудолюбия, неприятия тунеядства. При этом можно говорить, что вопросы, связанные с голодом как с социокультурным явлением и связанный с ним страх в среде рабочих вытесняли из общественного фокуса диалог о голоде как исключительно биологическом явлении. Однако страх голода оставался и постоянно поддерживался экономической нестабильностью, дополнялся страхом быть порицаемым, падшим человеком в глазах общественной морали.

Исследователи не обнаруживают свидетельств массового голода, охватившего всю территорию Англии и все социальные группы в викторианский период. Однако голод и связанные с ним страхи, отраженные в культуре и мировоззрении, оказывали влияние на реализацию социокультурных практик, оценивание обществом происходящих трансформационных социально-экономических процессов.

Прецеденты голода вызывали страхи среди бедняков и давали политическим оппонентам аргументы в рамках межпартийного противостояния. Недоедание широких групп бедняков на фоне имперских успехов могло быть воспринято как свидетельство провала внутренней политики и как причина роста революционных настроений. В политическом пространстве викторианской Англии проблему голода было необходимо решать и сглаживать, что формировало защиту властной элиты от социальной дестабилизации, вызванной голодными бунтами пауперов. Радикальные политики призывали «избавить Мегалополис от сокрушительной бедности, спасти от ужасного национального позора англичан, умирающих от голода на наших улицах»¹. Дж.Ст. Милль расценивал голод буквально как «провал управления» [2, р. 8]. При этом для викторианцев проблемы экономического и социального характера отражались в культурной плоскости, затрагивали вопросы эволюции социальной доктрины и морали трансформирующегося общества. В частности, Милль подчеркивает: «политика должна формироваться с пониманием

¹ Bee-Hive. 1869. Dec. 18.

того, что экономический и моральный миры составляют единую взаимосвязанную систему. Реформы в одной сфере практически бессмысленны без реформ в другой» [2, р. 9]. Общество было обеспокоено тем, как голод и недоедание могут повлиять на культуру и мировоззрение бедняков. Современники задавались вопросом о влиянии недоедания на восприятие бедняками лояльно существующей общественной морали и как скажутся прецеденты голодных смертей на радикализацию социальных низов. В ранневикторианский период утверждается мысль, что формирование нравственного образа рабочего, следующего викторианской морали и протестантской этике, должно происходить в условиях достаточного продовольственного обеспечения. В частности, газеты вопрошают: «Бедняки опустили до самого низкого уровня существования: картофель и соль часто являются их единственной пищей. Кто может сказать, как они должны сохранить свой моральный облик, проходя через такие мучительные трудности? Когда средства содержания бедняка хуже, чем в тюрьмах, какое может быть устрашение в законе? Когда его труд не позволяет ему содержать семью, которая ему доверяет, когда он видит вокруг себя полуголодную жизнь, какой может быть импульс к развитию промышленности?»². Считалось, что формирование личности и моральных качеств бедняка для викторианца были связаны с вопросами количественного и качественного потребления продуктов. Борьба с голодом при этом воспринималась как защита страны. Раздавались призывы: «Необходимо решительно выступить и поддержать нынешнее движение за приведение страны в надлежащее состояние защиты, движения против смертей от пьянства и голода»³. Однако в управленческих практиках ранневикторианской властной элиты проблема голода связывалась с необходимостью не проводить социальные реформы, а искать причины недоедания в невежестве бедняка, нежелании работать и склонности к моральным порокам. Голод рассматривался в более широком контексте, нежели экономическое и биологическое явление. Он выступал оценочным инструментом «культурного» в реализации викторианцами своих социокультурных практик для выявления с морально-ценностной точки зрения «одобряемого» и «порицаемого» англичанина в пространстве повседневно-бытового взаимодействия.

Выбор модуса социального поведения викторианца был обоснован «обычаями, культурой и разумом» [5, р. 78–79]. Недоедание среди бедняков оказывало влияние на оценку политической ситуации в стране через аксиологическую призму и затем влияло на поведенческий

² Keene's Bath Journal. 1838. Nov. 29.

³ Sheffield Daily News и Morning Advertiser. 1859. Dec. 28.

выбор. И если рассматривать голод как фактор распространения протестных настроений, то «при условии присутствия первичного стимула дистресса, поведение вкладывалось в выполнение более сложной, культурно опосредованной функции... для мировосприятия англичан можно прочесть некое узаконивающее понятие почти в каждом продовольственном бунте: еда придавала легитимность действиям мятежников, поскольку они считали, что они защищали права и обычаи общества» [5, р. 79]. Не сам голод, а нарушение в глазах социальной этики негласных законов и прав, а также аксиологическая оценка обществом бедняков создавали условия для социального отчуждения разных общественных страт.

Восприятие общества как единой социокультурной среды, а не суммы культурно-этических субсообществ внутри своей страты, требовало от викторианцев стремления к социальному консенсусу, единения нации для решения социальных проблем.

В ряде протестных выступлений бедняков, относящихся к более раннему периоду, нежели хронологические рамки данного исследования, можно проследить мысль, что именно закон и его соблюдение состоятельными слоями общества должны были обеспечить необходимый уровень жизни честно трудящегося человека. Фактически, призывая к радикальным выступлениям, бедняки одновременно могли выступать в защиту прав и закона страны. Такая диспозиция реализовывалась в рамках той рецепционной модели социальных отношений, которая была выстроена в патерналистских традициях провинциальных графств, а благодаря процессам миграции и урбанизации провинциальные оценочные рамки все более проникала в низовую городскую культуру. Необходимо отметить, что в традициях английской протестной культуры заявление бедняка о том, что он голодает, в рамках культуры действующего социального договора означало «призыв к хаосу и беспорядку, голод был языком просьб, призывом о помощи и милосердии. Голодная смерть была языком сопротивления» [1, р. 33].

В городской низовой культуре распространяются страхи, так или иначе связанные с голодом, но напрямую не вызванные им. Страх голода вызывался комплексом социокультурных причин, где в условиях объективной скудости рациона рабочих и бурных обсуждений прецедентов голодных смертей в прессе пауперы, в первую очередь, боятся быть признанными голодными, встретиться с порицанием и социальным стыдом, нежели действительно испытывать биологический голод. Данный социокультурный феномен сочетает в себе и спектр проблем, вызывающих голод, и может быть вписан в более широкий контекст восприятия бедности в социокультурном пространстве викторианской Англии.

Голод как постоянный спутник городского паупера и сельского батрака в восприятии викторианцев из средних и элитарных слоев связывался с такими пороками социального дна, как воровство, алкоголизм и проституция. Общественность, желая видеть следование бедняков определенному социально одобряемому образу поведения, через попечительские советы и благотворительные организации могла отказать пауперу в помощи, даже если его «социальный грех» не был доказан. Признать себя голодающим означало признать себя бедным. Тогда как, согласно созданному Г.Р. Бакстером клише, что работный дом является «бастилией для бедных»⁴, обращение за помощью становилось актом признания себя преступником в глазах общественной морали.

Голод и работный дом рассматривались как устрашающие следствия тунеядства, которое воспринималось нарушением трудовой этики и аксиологических канонов протестантского социума. На страницах газет мелькали призывы к бережливости и рациональности, играя на типичных страхах викторианцев. Так, призывая к необходимости зимних продуктовых заготовок, провинциальная газета “Bury and Norwich Post” восклицает: «Невыносимая боль перед следующей зимой, и не боитесь ли вы, что единственный выбор, который останется у вас, будет выбором между голоданием и работным домом!»⁵. Схожие опасения в это же время выражает заметка столичной газеты: «Наш конец будет заключаться в том, что тысяча будет вынуждена избежать голодной смерти, ища убежища в работном доме, месте, которого они так боялись, в безжалостном месте»⁶. Демонстрация маркеров бедности означала признание себя паупером не только с экономической точки зрения. Ситуацию недоедания, нужды старались скрывать, поддерживая респектабельный образ до тех пор, пока это было возможно. В связи с чем нередко в работный дом обращались только в ситуации крайней нужды. Так, большинство случаев голодной смерти в работном доме происходили в первые сутки помещения в заведение. Архивы сохранили сведения о том, что в это время рабочих кормили одобренной попечителями рациональной диетой, без какого-либо сокращения, однако, поскольку многие бедняки обращались в работный дом как к крайней мере в силу действующих социокультурных страхов, их степень истощения в ряде случаев была настолько сильной, что врачи уже не могли им помочь. Регистрационные книги работных домов показывают печальную статистику, состоящую из кратких сообщений о голодной смерти только что

⁴ Baxter G.R. The book of the Bastiles; or, The history of the working of the new poor law. L., 1841.

⁵ Bury and Norwich Post. 1849. Dec. 25.

⁶ Bell's Weekly Messenger. 1849. Dec. 24.

обратившихся за помощью бедняков. Таково сообщение от 20 октября 1842 г. в журнале работного дома в Танстеле (Стаффордшир), фиксирующее смерть 35-летней женщины от «недостатка пищи и жизненной потребности»⁷. Ее нашли еще 17 октября на улице под навесом, определили в работный дом, но спасти женщину не удалось.

Смерть в работных домах не была редкостью, однако причинами зачастую становились условия жизни на улицах и в городских трущобах до помещения паупера в соответствующие заведения помощи. Заключение хирурга и местных врачей по прецеденту голодной смерти бедной женщины в 1847 г. в Сомерсете прямо отмечает: «Умерла от недостатка необходимых для жизни вещей, чему, несомненно, способствовала ненастная погода. Нельзя винить офицеров, принимающих в работный дом, поскольку она, кажется, предпочла смерть, чем пойти вовремя в работный дом»⁸. Для помощи такой категории бедняков после их смерти направлялись записки-рекомендации из Министерства здравоохранения в местные работные дома. Таковым был прецедент голодной смерти в 1851 г. в Бристоле, описанный в письме Джорджа Корнуолла, викария Паблоу, в Комиссию по делам о бедных по делу Джойса Брайанта, где отмечалось, что он умер от голода вскоре после того, как искал убежища с дочерью в приходе. Результатом обмена донесениями становится рекомендация правительства к работным домам, которая призывает «опекунов инструктировать посменно работающих в работных домах офицеров и предлагать помощь всем обратившимся, учитывая, что особенно усиленная помощь должна быть оказана слабым, робким и невежественным, на состояние которых может повлиять время и промедление оказания помощи»⁹. Подобные ситуации, в силу специфики прецедентного права Великобритании, становились импульсом для изменений внутреннего распорядка и снабжения работных домов. Внедрение нового закона о бедных требовало корректив в следующие десятилетия и в целом улучшало положение пауперов. Однако множество сообщений о смерти в работных домах, в т.ч. освещавшихся в газетах, делало образ данного учреждения все более устрашающим в восприятии паупера, что в общем социокультурном поле Англии делало систему работных домов, несмотря на ряд нововведений и улучшений, менее эффективной мерой борьбы с бедностью.

⁷ Copy of an entry from the Register of Deaths // The National Archives (TNA). MH 12/11196/327. P. 562.

⁸ Letter from Mr. C. Collins, Medical Officer for District // Ibid. MH 12/10322/301. 10684/B/1847. P. 483.

⁹ Letter from George Cornwall, Vicar of Publow, near Pensford // Ibid. MH 12/10322/242. P. 395.

Голод как маркер девальвации respectable статуса и социального реноме в корне менял взгляд на недоедание. Переноса проблему «еды–голода» в фокус социокультурных мировоззренческих категорий, викторианцы начинали формировать новые ценностные связи, где голод и голодная смерть могли выступать как инструмент воспитания и мотивации. Голод и еда могли быть «хорошими» и «плохими», «правильными» и «неправильными»; через эти категории повседневности могла происходить оценка поведения и статуса человека и семьи, которую он представлял.

В викторианский период происходит эволюция от голода «воспитывающего», мотивирующего бедняка на работу, до голода как негативного явления, приносящего страдание и с которым нужно бороться как с социальным злом. Располагая людей и образы ближе или дальше к полюсам дихотомии «еда–голод», современники считывали и демонстрировали друг другу состоятельность, рациональность распределения доходов, прагматизм, а также такие понятия, как благонадежность и respectable. Через категорию «еда» викторианец мог показать свой статус, свою лояльность общественной морали. В рамках дихотомичного восприятия существовала и обратная связь. Особенно ярко это проявлялось в ситуациях обращения в работный дом – акте, наиболее явно сигнализирующем о «переходе» рабочего в ряды порицаемых.

Социальная стигма как общественное клеймо, налагаемое на тех, кто оказывался в работном доме, могла порождать трагическую ситуацию. Паупер, спасаясь от голода, должен был смириться, что из уважаемого и добросовестного работника он в сетке моральных координат общества превращался в бездельника и изгоя, которого необходимо было изолировать в работном доме.

Рабочие, потерявшие работу, встречались не только с экономическими затруднениями, но и с резким изменением их восприятия социумом. Однако если было доказано, что паупер стал бедняком в силу объективных обстоятельств, а его поведенческий паттерн и следование социальной этике были прежде безупречными в глазах социальной морали, то общественность могла сделать исключение. На местах филантропы и магистраты могли идти вразрез принципам нового закона о бедных 1834 г. и спасти семью от социального позора помещения в работный дом, вернувшись, вопреки закону, к раздаче денежных пособий.

Так, зимой 1848 г. было направлено обращение в парламентскую комиссию по делам о бедных «относительно Джозефа Рукрофта, трудоспособного нищего, бывшего шахтера, с женой и шестью детьми из Аркенгартдейла. Рукрофт был нанят по пробной сделке (работа с новым оборудованием. – А.Ш.) которая оказалась полным провалом.

В канун Рождества он попросил помощи, т.к. он и его семья голодали. Поскольку он был трудоспособен, правление отказалось от помощи и предложило работный дом, от которого Рукрофт отказался, заявив, что он попытается отложить подачу заявления еще на одну неделю»¹⁰. Подобные прецеденты вызывали общественный резонанс и в ситуации, когда моральные нормы сталкивались с законодательными предписаниями, опекуны на локальном уровне нередко шли на нарушение закона и поддерживали бедняков теми формами, которые не могли запятнать их репутацию. Дело Рукрофта приняло позитивный оборот: «когда он повторно подал заявление в состоянии предельной нужды и голода, то совет одобрил денежную помощь в 12 шиллингов на одну неделю. Опекуны заявляют, что, поскольку дело Рукрофта исключительно, они надеются, что комиссары комиссии (Парламентская комиссия по делам бедных. – А.Ш.) одобряют денежные выплаты хорошему шахтеру»¹¹. В анализируемом документе неоднократно подчеркивается, что рабочий был трудоспособен и трудолюбив, чем создавался позитивный образ паупера, косвенно предлагалась его оценка для рассмотрения лондонскими комиссарами. Центральные власти отдельно рассматривают дело, принимая резолюцию: «ослабить запретительный порядок в случае Рукрофта»¹², таким образом, именно восприятие бедняка как «хорошего» работника позволяло обелить нуждающегося в глазах викторианцев.

Для социокультурного поля викторианского общества труд был основополагающей ценностной идеей, формирующей взгляд на социальную этику. В ряде случаев эта идея оказывалась более доминирующей в моральной плоскости, нежели закон и право. Бедняк, в поведении которого считывался социально одобряемый идеал труженика, воплощенный в понятиях трудолюбия и усердия, находил более широкое одобрение и вызывал большее сочувствие среди общественности, попечителей и филантропов, особенно в контексте рассмотрения дел, связанных с бедностью и помещением в работный дом. Репрезентация связи «голода» и «труда» в позитивной коннотации о трудолюбии рабочего как способе преодоления нужды вызывало большее сочувствие и способствовало повышению лояльности к рабочим семьям и стремлению избавить их от маркеров бедности, в т.ч. голода.

Схожий прецедент можно фиксировать в отношении бывшей медсестры Мэри Баллам, которая «11 лет жила в Саутгемптоне и исполнила долг медсестры до тех пор, пока возраст и немощь не вывели

¹⁰ Letter from Thomas Oliver on behalf of John Bailey Langhorne // The National Archives (TNA). MH 12/14588/71. P. 111.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

ее из строя... Ей отказались выплачивать пособие и вместо этого предложили ей место в работном доме. Вдова Баллам не хотела идти в работный дом. Она чувствовала, что может содержать себя, сочетая пособие вместе с небольшими заработками, которые она по-прежнему получала в качестве медсестры. Более того, она считала, что ее 67 лет дают ей право на пособие»¹³. При подаче запроса в парламентскую комиссию краткая история жизни медсестры сопровождалась письмами от представителей общественности, в которых подчеркивались ее трудолюбие, отзывчивость, готовность к выполнению долга. Обращение к парламентариям заканчивалось просьбой «возобновить выплату помощи Мэри Баллам, поскольку ее спасает от голода только ее доброта и доброта друзей»¹⁴. Позже для женщины установили выплаты, хотя в других подобных случаях, к которым не было приложено указаний на трудолюбие работника, рекомендацией было лишь помещение в работный дом.

На региональном уровне, в обход закона о бедных, в отношении обедневших рабочих, демонстрирующих одобряемый паттерн поведения в духе протестантской этики, могли быть выработаны отдельные формы спасения от голодной смерти. Рассматривая «Дело Роберта Сиварда, трудоспособного нищего пивовара» (1841), становится заметно, как общественность принимает решение в отношении трудолюбивого человека, находясь в мировоззренческом поле критериев социокультурной оценки бедняков.

Дело показывает, что Сивард, сельскохозяйственный рабочий 42 лет, женатый на женщине 47 лет и имеющий семерых детей, находится в бедности: «этот трудоспособный нищий просит о помощи на том основании, что он зарабатывает всего 7 шиллингов в неделю в качестве сельскохозяйственного рабочего, и только две его старшие дочери получают скудную заработную плату, работая кружевницами. Он должен заплатить от 1 до 2 шиллингов арендной платы, и поэтому не может содержать свою семью»¹⁵. Данный текст составлялся на основе показаний бедняков секретарем прихода, снабдившим дело рабочего следующим резюме: «Обсуждение и последующее решение опекунов по просьбе этого трудоспособного нищего о помощи имеет большое значение с учетом недавнего запретительного приказа (запрет на раздачу милостыни. – А.Ш.), изданного комиссией министерства. Поэтому опекуны запрашивают мнение Комиссии по поводу их решения по делу,

¹³ Letter from G. Brown to the Poor Law Board // The National Archives (TNA). MH 12/10999/238. P. 412.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Letter from Charles Bond, Clerk to the Guardians of the Axminster Poor Law Union // The National Archives (TNA). MH 12/2096/249. P. 458.

а именно о предоставлении жилья в работном доме двум детям, Джону и Роберту»¹⁶.

Неудивительно, что в условиях только что вышедших рекомендаций правительства для решения проблем пауперизма использовать не помощь деньгами, а систему работных домов, ответ правительственной комиссии был отрицательным: «Комиссия не согласится на возврат к системе пособий, и ее члены требуют, чтобы за двумя детьми были отправлены остальные дети. В случае если заявителю потребуется дополнительная помощь, что, учитывая его низкую заработную плату, будет необходимо, то тогда ему нужно предложить работный дом для него самого и всей его семьи. Рабочие классы должны быть научены принимать предложение правительства, а не доводить свои семьи почти до голода, в ситуации, возникшей из-за выплаты такой низкой заработной платы»¹⁷. Комиссия настаивает на предоставлении рекомендуемой помощи, делая акцент на голоде как проблеме социальной и аморальной, которую необходимо было решить в рамках принятого законодательного поля.

Однако, получив решение комиссии, попечители работного дома не стремятся его исполнять и идут вразрез с введенным законодательством, предлагая собственный компромиссный вариант помощи трудоспособному рабочему: «Возможно создать альтернативу для рабочей семьи и дать возможность Сиварду спасти свою семью от голода. Этот единственный способ – дать ему работу со справедливой оплатой труда, которая увеличила бы его заработок, а также трудоустроить с разумной зарплатой всех трудоспособных детей»¹⁸. Стремление к труду и нежелание пауперов демонстрировать маркеры бедности давало возможность социального спасения. Указание на это парламентариям приводит к тому, что на последнем листе дела появляется резолюция: «Комиссия разрешит помощь»¹⁹.

В данном деле произошло столкновение стремлений выполнять предписание парламента в рамках строгого следования закону с действующими моральными концептами общества, ценящего трудолюбие и семейные ценности. Утвержденный вариант помощи рабочему был исключительным случаем, демонстрирующим, что аксиологическая категория «труд», ее мировоззренческая ценность при реализации

¹⁶ Letter from Charles Bond, Clerk to the Guardians of the Axminster Poor Law Union // The National Archives (TNA). MH 12/2096/249. P. 458.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Letter from Charles Bond, Clerk to the Guardians of the Axminster Poor Law Union // The National Archives (TNA). MH 12/2096/249. P. 459.

социокультурного выбора могла быть выше даже идеи закона в викторианском обществе, в т.ч. среди представителей правящей элиты.

Средние классы викторианского общества стремились, прежде всего, точно заполнять наиболее глубокие лакуны социального диалога, что при условиях прецедентного мышления формировало позитивный образ представителя интеллигенции, вызывающий доверие как среди элиты, так и пауперов. Рассматривая социальный кризис в ракурсе изучения повседневно-бытовых паттернов поведения, становится заметно, что деятельность среднего класса викторианского общества проявлялась тем ярче, чем более ощутима в повседневной культуре была полярность между богатыми и бедными. Отмечу, что проблема еды и голода более всего обострялась в периоды праздников, особенно Рождества, где в фокус социокультурного конфликта в момент праздника попадали одновременно такие ведущие аксиологические категории, как религия, мораль, дом, семья, действующие на фоне резкого социального контраста. Британский исследователь Т. Мур подчеркивает: «Может показаться, что рождественская литература с ее прославленными описаниями переполненных столов и веселья не имеет места для обсуждения другой крайности – голода. Однако большая часть литературы XIX в., содержащей рождественские повествования, напрямую связана с национальными страхами перед голодом. Голод вошел в рождественскую литературу сначала как часть социальной аргументации, а затем как забота об устойчивой национальной идентичности, которая переплелась с самим Рождеством. Такие писатели, как Чарльз Диккенс, Бенджамен Фарджон, Августус и Генри Мейхью, создатели журнала “Punch” и Мэри Элизабет Брэддон, были авторами рождественских произведений, которые демонстрировали литературную реакцию на развивающиеся проблемы голода» [4, р. 489].

Рождественские книги ежегодно поднимали вопрос о голодных бедняках в рамках развивающейся риторики благожелательности по отношению к бедным. При этом растущий коммерциализм подчеркнул стремление общества к показному потреблению, одновременно высветив ту часть населения, которая не могла прокормить себя и, тем более, продемонстрировать в духе существующей морали свою респектабельность. Считываемый социальный конфликт представители интеллигенции предлагали сгладить при этом не через пересмотр классовой иерархии для предотвращения голода в будущем, а наполняли произведения романтизированными патерналистическими настроениями и приковывали внимание к наиболее острым социальным прецедентам вокруг проблем голода через романы, памфлеты, эссе и газетные статьи, что закрепляло статус голода как маркера бедности, приковывая к нему внимание общественности, а затем и властей.

Нередки были случаи, когда парламентарии делали отдельные запросы к местным властям в связи с газетными статьями, описывающими прецеденты голодной смерти, в ряде случаев требуя дополнительного рассмотрения дела. Такая хронология отражена в общественно-политическом диалоге произошедшей летом 1890 г. смерти Элизабет Баррет. Первые газеты с печальной новостью появляются в субботу 29 июня 1890 г., всего данный прецедент упоминали не менее 11 газетных выпусков. Уже 29 июня “Lloyd’s Weekly Newspaper” впервые пишет об обстоятельствах голодной смерти трудолюбивой вдовы²⁰. 4 июля 1890 г. в парламенте обращаются к местным властям по поводу смерти Э. Баррет, которые в ответ обещают собрать информацию о причинах смерти²¹. 5 июля о смерти кратко упоминает “Hampshire Independent”²², передавая локальную лондонскую новость в южные графства. 6 июля выходит еще одна заметка, где журналист приходит к выводу, что «такие смерти, как смерть Элизабет Баррет, безусловно, дискредитируют нашу систему оказания помощи бедным»²³. 8 июля парламентарий К. Грэхем озвучивает в парламенте следующее требование: «Я прошу запросить у председателя совета местного самоуправления, первое, будет ли он наводить справки о голодной смерти неизвестного человека в прошлую пятницу в общежитии на Хай-стрит, Вулидж. Второе, заметил ли он, что доктор Джеймс Уотсон уже доложил перед коронером, что, по его мнению, смерть наступила из-за голода, с чем были согласны присяжные, и третье, есть ли у него еще информация о голодной смерти Элизабет Баррет?»²⁴.

13 июля в воскресном номере газеты “Reynolds’s Newspaper”, в ответ на внимание парламента к освещению в газетах голодной смерти, размещаются призывы к пересмотру Закона о бедных: «Трагическая судьба постигла шестидесятилетнюю вдову Элизабет, которая умерла от голода, будучи вынужденной голодать. Медицинское освидетельствование показало, что ее тело было полностью лишено жира, а кишечник пуст, что свидетельствует о долгом и мучительном голодании... Причина такой жестокой участи остается неясной, возможно, это и проявление непостижимых замыслов судьбы. Несмотря на предъявленные обвинения, никто не мог назвать ее ленивой или злой, она никогда не прибегала к воровству или грабежу. Напротив, Элизабет была образцом

²⁰ Lloyd’s Weekly Newspaper. 1890. June 29.

²¹ Alleged Death From Starvation. *Hansard*. Vol. 346: debated on Friday 4 July 1890.

²² Hampshire Independent. 1890. July 5.

²³ Lloyd’s Weekly Newspaper. 1890. July 6.

²⁴ Death From Starvation At Woolwich. *Hansard*. Vol. 346: debated on Tuesday 8 July 1890. Col. 1094.

трудолюбия. Даже в преклонном возрасте она была скупа на собственные нужды, посвящая все свое время и силы шитью рубашек, работая до изнеможения. Весь год она боролась с голодом, переживая невыносимые страдания, которые, к счастью, мало кто из нас испытывает, но которые мы можем себе представить. Представьте, что эти рубашки, возможно, носят богатые жители Вест-Энда. Подумайте о ее измученных, дрожащих от слабости пальцах, которые с трудом заканчивали работу. Небольшая сумма, которую вы тратите на цветок в петлицу, превосходит ее заработок за целое изделие. Какое чудовищное положение дел – женщина умирает от голода в самом сердце мирового богатства! Несомненно, в будущем должно произойти пробуждение ужаса, если наша социальная система не изменится»²⁵. Данная газетная статья наглядно показывает, что культурно-аксиологический аспект продолжал оставаться доминантой в выборе социального поведения викторианца, нежелания признавать себя бедным.

Ситуация вокруг голодной смерти миссис Баррет показывает и то, насколько лишения социально одобряемого бедняка могли спровоцировать общественный резонанс и дестабилизировать обстановку. И если в 1840-х гг. дестабилизирующей силой выступали сами бедняки и страхи вокруг их возможного протеста, то в конце рассматриваемого периода мощнейшим инструментом стимулирования социальной трансформации становился средний класс, способный на основе популяризации прецедента, созданного в среде пауперов, создать значительный общественный резонанс.

Средний класс и благотворительные организации в поздневикторианский период оказываются на развилке дорог. С одной стороны, путь к мальтузианским принципам был уже закрыт в связи с пониманием последствий данных действий и страхом перед социальным радикализмом; с другой стороны, не было понятно, по какой траектории социального реформирования в проблеме недоедания бедняков можно двигаться дальше. В этих условиях при утверждении в викторианском обществе практики социального компромисса средний класс выбирает формы мягкого давления на парламент и поддержки принимаемого социального законодательства, способного сдерживать революционные настроения в обществе.

К концу викторианского периода голод перестает воспитывать, он становится задачей, которую должно было решить все общество.

²⁵ Reynolds's Newspaper. 1890. July 13.

Для заинтересованных групп среднего класса и интеллигенции вопрос недоедания, особенно в условиях институционализированной помощи бедным, становится социокультурным вызовом, где проблемы потребления было необходимо решать, сгладив социальный контраст.

Широкая группа средних классов викторианского общества, поддерживая на практике бедняков, создавала новый образ социальной помощи, который был достаточно эффективен и экономически целесообразен для властной элиты и, одновременно, приемлем для бедняка, свободного от страха работного дома и голодной смерти. В данном конструкте расширяющийся средний класс смог создать канал коммуникации и медиации, ответив на вопрос двух антагонистов и, через дихотомию «еда–голод», показать возможность преодоления условий возрастания конфликтности и радикализации общества.

Можно сказать, что на протяжении викторианского периода перепиывается культурный код бедняка. Экономически паупер все еще продолжает быть нищим, но к концу века он из объекта порицания превращается в адресат направленности помощи, тогда как маркеры бедности, такие, как условия жизни в трущобах, санитарное состояние жилищ и недоедание, выступают вызовами, на которые не могла не реагировать власть, в то время как средний класс, филантропы и представители научной интеллигенции активно начинают предлагать проекты реформирования и модернизации в этих областях, от разработки очистных сооружений до распространения среди бедняков принципов экономной кулинарии.

Таким образом, рецепция голода в викторианский период английской истории была подчинена иерархии социальных ценностей, регламентировалась традициями поведенческих паттернов. Можно сказать, что распространенность недоедания среди бедняков позволяло современникам судить об эффективности внутренней политики государства. Вместе с тем, голод как маркер бедности был вписан в социокультурное поле посредством доминирующей в аксиологическом поле категории труда и трудолюбия.

Библиографический список / References

1. Griffin C.J. The politics of hunger: Protest, poverty and policy in England. Manchester University Press, 2020.
2. Lebow R.N. John Stuart Mill on Ireland. Philadelphia, 1979.
3. Mayhew R. Malthus: The life and legacies of an untimely prophet. Harvard University Press, 2014.

4. Moor T. Starvation in Victorian Christmas fiction. *Victorian Literature and Culture*. 2008. Vol. 36. No. 2. Pp. 489–505.
5. Thompson E.P. The moral economy of the English crowd in the Eighteenth Century. *Past & Present*. 1971. Vol. 50. Pp. 76–136.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025, принята к публикации 19.01.2026

The article was received on 29.11.2025, accepted for publication 19.01.2026

Сведения об авторе / About the author

Шабунина Анастасия Константиновна – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва

Anastasia K. Shabunina – PhD in History; senior research fellow at the Department of Historical and Theoretical Research, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: shabunina@bk.ru